

ДИСКУССИЯ

ЭТНОГРАФИЧНО ЛИ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ?

А.К. Касаткина

Александра Константиновна Касаткина | <https://orcid.org/0000-0002-8827-9696> | alexkasatkina@gmail.com | к.и.н., научный сотрудник | Центр исторических исследований, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” – Санкт-Петербург (ул. Союза Печатников 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия)

Ключевые слова

интервью, включенное наблюдение, полевые методы, история этнографии, лингвистическая антропология, диалогическая теория, Бахтин

Аннотация

Полевая беседа – это настолько органичная часть метода включенного наблюдения, что вопрос о необходимости особых методов для ее анализа в этнографии и антропологии ставится редко. Полевую беседу часто называют “интервью”, однако этот термин ассоциируется скорее с методами социологии. Формат интервью обычно вынуждает собеседника занять позицию, внешнюю по отношению к его культуре, а значит, плохо согласуется с включенным наблюдением. Это подчас вынуждает этнографов и антропологов усомниться в этнографичности метода интервью. В статье я хочу показать, что полевой разговор и полевое интервью как наиболее институционализированная его форма нуждаются в особых инструментах анализа, созданных для понимания устной коммуникации. Рассматривая этнографическое интервью как речевую ситуацию и привлекая принципы теории диалогического романа М. Бахтина, я показываю, что применяя к полевым разговорам методы, созданные для анализа устной речи, можно получать ответы на этнографические вопросы. В качестве примеров в статье используются материалы моих интервью с садоводами-любителями Ленинградской области, собранные для моего диссертационного исследования.

Доработка статьи и подготовка ответа оппонентам осуществлялись в рамках проекта “Социальная антропология институтов позднего СССР”, Национальный исследовательский университет “Высшая школа экономики” (НИУ ВШЭ)

Метод тематически сфокусированного разговора присутствовал в антропологическом арсенале с самых ранних лет существования дисциплины и в отечественной, и в зарубежной традициях. Можно вспомнить программы Российского географического общества, издававшиеся с 1848 г. (Васкул 2012), и Этнографического бюро князя Тенишева (Баранов 2006),

---

Статья поступила 12.07.2021 | Окончательный вариант принят к публикации 30.07.2021

Ссылки для цитирования на кириллице / латинице (*Chicago Manual of Style, Author-Date*):

Касаткина А.К. Этнографично ли этнографическое интервью? // Этнографическое обозрение. 2022. № 3. С. 71–87. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030058> EDN: HUEUZU

Kasatkina, A.K. 2022. Etnografichno li etnograficheskoe interv'iu? [How Ethnographic Is Ethnographic Interview?] *Etnograficheskoe obozrenie* 3: 71–87. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030058> EDN: HUEUZU

которые должны были помочь направить и структурировать исследовательский разговор с носителями локальных знаний. Рекомендации британского Антропологического института 1874 г. и более поздних изданий содержат советы, как получать информацию в разговоре с “туземцами” (Skinner 2012: 25). В то же время, когда в поле стали работать профессиональные исследователи и главный метод этнографии был сформулирован как погружение в культуру через включенное наблюдение, разговор стал восприниматься как настолько органичная часть этого метода¹, что и сейчас мало кто ставит вопрос о необходимости специальных способов исследовательской работы с этим видом источника.

В американской антропологии проблеск внимания к разговору случился на волне критического пересмотра методов в 1980-е годы. Тогда ряд исследователей отметил, что этнографическое знание в поле производится совместными усилиями исследователя и его собеседников (Dwyer 1982), и что внимание только к содержанию разговора и игнорирование роли контекста, локального и общекультурного, может привести к неверному пониманию услышанного (Briggs 1986). Но как именно работать с таким совместно произведенным и контекстуально обусловленным знанием? Как превратить его в ответы на этнографические вопросы – на вопросы о специфике коллективных представлений (культурных установок) той или иной группы? Эти проблемы тогда даже не были сформулированы. Работа с речевым взаимодействием в американской традиции в основном осталась уделом узкой области лингвистической антропологии (Duranti 1997).

Последние несколько десятилетий этнографы и антропологи широко используют для своих полевых разговоров термин “интервью” (Burgess 2000; Bernard 2006; Бромлей, Штробах 1988; Козьмин 2008). Кажется, что это просто синоним “полевой беседы”, но у этого термина есть ряд собственных коннотаций, благодаря которым в некоторых ситуациях он может вызывать отторжение у этнографов и антропологов².

В этой статье я хотела бы сначала набросать эскиз проблемы полевого разговора в целом и интервью в частности как метода этнографии, надеясь, что коллеги откликнутся на мои соображения и дополнят, исправят или оспорят их. Кроме того, я хочу показать, что в отношении полевых разговоров и интервью различие между отечественной и зарубежной (по крайней мере, англоязычной) традициями ощущается слабо. Напротив, бросается в глаза синхронность некоторых дискуссий и общность методологических и ценностных ориентиров. Основная же часть статьи посвящена моим поискам возможных решений указанных выше проблем, связанных с полевым разговором. Опираясь на материал своих интервью с владельцами садовых участков в Ленинградской области, я сформулирую определение этнографического интервью как максимально институционального жанра полевой беседы, на конкретных примерах охарактеризую специфику отношений внутри речевой ситуации этнографического интервью, а также предложу вариант методологически обоснованного анализа записей интервью. Я хочу показать, что (1) полевой разговор, являясь органичной частью включенного наблюдения, заслуживает, тем не менее, особого внимания и особых инструментов анализа, и что (2) применяя к полевым разговорам методы, созданные для анализа устной речи, можно получать ответы на этнографические вопросы, т.е. на вопросы о коллективных представлениях или культурных установках.

Интервью – “свой чужой” этнографического метода

Полевая беседа – часть метода включенного наблюдения, а слово “интервью” в современном речевом обиходе этнографов и антропологов зачастую выступает как ее синоним. Однако этот же термин в этнографии и антропологии может ощущаться и как чуждый, вызывать стремление тем или иным образом дистанцироваться от него. Приведу примеры таких дистанцирующих утверждений, услышанных мной в устной коммуникации с российскими коллегами или встреченных в зарубежной литературе (*Hockey* 2002; *Skinner* 2012). Я намеренно даю российские и зарубежные утверждения вперемешку, т.к. они близки по смыслу: интервью – это социология, а не этнография. Интервью берет только молодое поколение, старшие так не работают и так не говорят. Интервью – это второсортный метод по сравнению с включенным наблюдением и ненастоящая социальная антропология; интервью – это точечный поверхностный заход в поле без глубокого погружения. Интервью вырывает носителей культуры из их повседневности, заставляет их размышлять о себе со стороны в искусственной для них ситуации (в то время как включенное наблюдение позволяет людям раскрываться естественным для них образом); интервью вынуждены брать те, кто работает в городской среде, поскольку там сложнее вести наблюдение; интервью легко контролировать и посчитать, поэтому ими удобно отчитываться по грантам; и наконец, интервью – это западная антропология, а в отечественной этнографии никаких интервью нет.

Термин “интервью” для полевого разговора по обе стороны “железного занавеса” входит в этнографию и социальную антропологию, видимо, в 1970-е годы. В англоязычной традиции это связано, во-первых, с интерпретативным (семиотическим) поворотом, когда внимание антропологов переключается с действий и социальных структур, которые их определяют, на идеи, мировоззрение и познание как способ организации мира (*Holy, Stuchlik* 1979). Чтобы узнать, как люди понимают мир, недостаточно только наблюдать за ними, с ними нужно еще и разговаривать, а услышанное – интерпретировать. Первое специализированное пособие по “этнографическому интервью” было ориентировано именно на задачи семиотической антропологии (*Spradley* 1979). Во-вторых, в это время антропологи все чаще работают в городских полях и потому обращаются к методологическому арсеналу социологии – дисциплины, которая специализируется на изучении городских обществ (*Burgess* 2000 [1984]).

В словарь отечественной этнографии термин “интервью”, медленно и неохотно, начал проникать, видимо, тоже от социологов, вероятнее всего, через посредство “контактной зоны” этносоциологии, которая как раз в 1970-е годы формировалась как дисциплина. Еще в 1985–1986 гг. участники дискуссии о методах на страницах “Советской этнографии” этот термин почти не используют и говорят об опросах и беседах. В 1988 г. “Свод этнографических понятий и терминов” уже фиксирует термин “интервью” для обозначения полевых бесед, и характерно, что автор этой статьи Свода – этносоциолог В.С. Кондратьев (*Бромлей, Штробах* 1988). В том же 1988 г. в МАЭ АН СССР защищена диссертация Н.Г. Чинчаладзе об интервью и наблюдении как основных методах этнографии, подготовленная в Институте истории, археологии и этнографии Грузинской АН (*Чинчаладзе* 1988).

Отчасти пограничный статус интервью может быть связан с тем, что ни понятие “полевая беседа”, ни понятие “интервью” в этнографическом смысле не имеют четких и общепринятых определений. Англоязычная литература

заимствует определения и классификации интервью из учебников качественной (qualitative) социологии: полуструктурированное (т.е. беседа по списку вопросов) и неструктурированное (т.е. свободная беседа) интервью оказываются ближе всего к привычным антропологу полевым разговорам (*Bernard* 2006). В отечественной этнографии тоже нет развитой собственной терминологии для полевых разговоров. В.С. Кондратьев предлагает считать интервью разновидностью этнографического опроса – “индивидуальной беседы с информатором по заранее составленной программе или без нее” (*Бромлей, Штробах* 1988: 209). Интервью может быть формализованным, полужформализованным и открытым, в этнографии чаще используются открытые интервью (Там же). В.А. Козьмин в неопубликованном курсе полевой этнографии, который читался на кафедре этнографии в СПбГУ, определяет “интервьюирование” как “целенаправленную беседу этнографа-исследователя и информанта” (*Козьмин* 2008). И оба автора тоже ссылаются на социологические работы об интервью. Все эти определения, однако, очень общие. Все они игнорируют нюансы проведения полевых разговоров, их фиксации и последующей аналитической работы с ними. Неясно, есть ли все же различия между этнографическим интервью, опросом и полевой беседой. Любой ли разговор исследователя в поле можно считать этнографическим интервью? Любой ли разговор исследователя в поле можно считать этнографическим источником? Важно ли, как воспринимает этот разговор собеседник? Важно ли, когда ведется беседа, в специально отведенное для этого время или по ходу дела? На предложенную исследователем тему или просто о том, о сем? Говорит ли исследователь наравне со своим собеседником или только задает вопросы? Важно ли, записывается ли беседа в блокнот или на диктофон? Важно ли, будет ли аудиозапись расшифрована и превращена в текст, или исследователь будет работать с ней без расшифровки?

Заимствуя термины и классификации интервью у качественной социологии, антропологи и этнографы, тем не менее, стремятся отмежеваться от социологического подхода, ассоциируя его со стандартизацией и привнесением в поле чуждых ему категорий (*Spadley* 1979: 30; *Шмелева* 1986: 60). Для этнографов их программы и вопросники – это не список вопросов, которые обязательно должны быть заданы в строгом порядке, но только общий ориентир, остающийся “за кадром” беседы (*Шмелева* 1986: 60). Этнографическое интервью должно быть максимально приближено к естественному разговору (*Громов* 1966; *Burgess* 2000: 83).

Похоже, что из всего приведенного выше списка проблем интервью в этнографии эта – ключевая. Видимо, это и есть главная причина нежелания выделять беседу из общего метода включенного наблюдения и принимать интервью как метод этнографии и антропологии: как бы ни старался исследователь имитировать естественный разговор, интервью неизбежно и физически, и интеллектуально вырывает и этнографа, и его собеседников из изучаемой повседневности (*Skinner* 2012: 26). Если ведя включенное наблюдение антрополог стремится стать естественной частью ландшафта, то в интервью его особая позиция в поле становится очевидной, несмотря на все его старания притвориться учеником или просто приятным собеседником. Ища решение этой проблемы, этнографы стремятся, например, приспособить формат интервью к местным коммуникативным жанрам (*Briggs* 1986) или приглашают для беседы нескольких носителей традиции и побуждают их обсуждать предложенные темы между собой (*Станюкович* 2020). В недавнем сборнике статей британские антропологи и вовсе исследуют преимущества этой особенности метода интервью (*Smith, Staples, Rapport* 2018).

Термин “интервью” несет с собой чуждый дух другой дисциплины, практика интервьюирования плохо согласуется с методологическим идеалом включенного наблюдения – погружением исследователя в изучаемую действительность. Возможен ли компромисс между интервью и включенным наблюдением? Иными словами, можно ли примирить интервью с основным методологическим принципом этнографии, сделать его более “этнографичным”?

Интервью – институциональный полюс полевой беседы

Если рассматривать полевые беседы этнографа как разновидность коммуникации, то их можно отнести к категории так называемых “институциональных разговоров”. В исследованиях коммуникации так называют беседы, которые являются частью рабочих взаимодействий и в которых тем или иным образом актуализируется институциональная или профессиональная принадлежность хотя бы одного из участников (*Drew, Heritage* 1992: 4). Для институциональных разговоров характерна нацеленность на выполнение определенной рабочей задачи, и обычно они имеют свои правила формальной организации (*Ibid.*: 22).

Если представить себе шкалу институциональности, то этнографическая беседа, погруженная во включенное наблюдение, будет стремиться на ней к полюсу минимума, а интервью в специально отведенном для него месте-времени – к полюсу максимума. Западные исследователи, обремененные требованиями фондов и этических комиссий, отмечают преимущества интервью перед включенным наблюдением именно для взаимодействия с институциональной составляющей современной науки. Во-первых, интервью легко посчитать и превратить в единицы измерения полевой работы, необходимые для написания заявки на финансирование или отчета по гранту. Подчас антропологам приходится оставлять рассказы о включенном наблюдении для коллег, а перед фондами отчитываться количеством интервью (*Hockey* 2002). Британский антрополог Дж. Скиннер вспоминает, как после почти года включенного наблюдения в Монтсеррате (Карибское море) он вдруг запаниковал: ему показалось, что его полевые заметки совсем не похожи на надежные научные данные. И бросился собирать интервью. Корпус паспортизованных аудиозаписей интервью оказался более солидным и “научным” с виду, чем ворох заметок наблюдателя (*Skinner* 2012: 1–2). Во-вторых, интервью – это встреча с четко обозначенными границами, где относительно легко учесть требования комиссий по этике: прежде всего, ясны границы действия информированного согласия – оно дается на использование записи этого конкретного разговора. Выходит, что чем ближе к полюсу максимума по шкале институциональности, тем дальше от методологических идеалов этнографии, но зато тем проще отчитываться и объяснять свои действия в поле контролирующим организациям. Что же, получается, метод интервью может пригодиться этнографу только для устранения проблем с отчетностью? Ниже я покажу, что это не так, и интервью может рассматриваться как способ погружения в полевую повседневность, сравнимый с включенным наблюдением, особенно в тех случаях, когда собеседник этнографа знаком с этим жанром.

Итак, интервью в этнографии я предлагаю понимать как разновидность полевой беседы, которая стремится к крайнему полюсу по шкале институциональности разговора, но не обязательно занимает эту крайнюю позицию. Для этого речевого жанра характерны следующие формальные правила: исследователь

обладает приоритетным правом задавать вопросы и направлять ход беседы, его собеседники обладают приоритетным правом на долгое монологическое повествование (*Briggs* 1986; *Козьмин* 2008). Такой формат неприемлем для наших повседневных разговоров, где, по наблюдениям исследователей естественно протекающей речи, обычно соблюдается более равное распределение прав между говорящими (*Корбут* 2015). Есть и ряд процедурных правил, которые отвечают требованиям современных научных организаций к исследованиям среди людей: все участники должны знать, что это именно интервью в исследовательских целях (и, может быть, собеседник даже подписал “информированное согласие” на запись и научное использование интервью), четко должно быть определено время начала и конца беседы и ее записи. Процедурные правила могут не соблюдаться. Так, исследователь может избегать термина “интервью”, чтобы его не спутали с журналистом или социологом, проводящим опрос, и просить “просто поговорить” с ним. Беседа может возникнуть спонтанно и также спонтанно угаснуть. Аудиозапись, которая предполагает ряд требований к месту и времени беседы (вокруг должно быть тихо, а собеседники должны располагаться поближе к микрофону), может вестись, а может и не вестись. Все это отдаляет интервью от крайнего полюса институциональности и приближает его к свободной беседе.

Если собеседник исследователя знает указанные формальные правила интервью (например, из СМИ) и согласен их придерживаться, это, во-первых, значит, что интервью является частью его коммуникативного репертуара, пусть даже маргинальной и непривычной. Во-вторых, это значит, что соблюдение или несоблюдение им формальных правил интервью не хаотично и не зависит полностью от поведения исследователя, а подчинено определенным культурным логикам, которые можно выявить и описать. Ниже я продемонстрирую это на примере.

Даже сейчас этнографу могут встретиться собеседники, которые никогда не сталкивались с интервью. Возможно, для таких случаев этот термин не подходит. Такие ситуации и, в частности, вопрос о практике обучения “ключевых информантов” технике интервью рассматривает Ч. Бриггс в своей книге (*Briggs* 1986).

Интервью и другие речевые жанры

Я проводила свое исследование на материале интервью с петербуржцами-владельцами садовых участков в Ленинградской области. Наши беседы были достаточно близки к крайнему полюсу институциональности: я просила их об интервью для диссертационного исследования, приходила к ним в гости специально с этой целью, для этого отводилось особое время и место (кухня, гостиная, веранда садового домика), я вела запись на диктофон и сообщала о его включении и выключении. Информированное согласие я подписывать не предлагала. Кроме того, мои собеседники, конечно, хорошо знали, как выглядят интервью. Некоторым из них уже приходилось давать исследовательские интервью своим детям – молодым социологам и антропологам, моим соученикам и коллегам.

Учет описанных выше формальных правил позволяет уверенно отслеживать, где заканчивается интервью и начинается другой жанр коммуникации, и анализировать, почему это происходит и к каким последствиям приводит,

выявлять стоящие за такими переходами логики. Наиболее заметный признак вторжения другого коммуникативного жанра в интервью – изменение распределения ролей собеседников. Например, в этом интервью с председателем садоводческого товарищества я в какой-то момент “нарушаю” правила жанра и делюсь своей информацией по проблеме, о которой мне только что рассказала моя собеседница:

А.К.: Угу. А вы знаете, кстати, я хотела вам сказать, что я вот была в Доме садовода³ и там...

Т.А.: Угу.

А.К.: Ну, с мамой – она встретила там женщину, которая... у которой такая же... Она председатель, у неё тоже проблема, что люди, э-э вот, приватизируются – и не платят⁴.

Т.А.: Угу.

А.К.: Да? И она – как? Она сказала, что она это решила. Она просто все их дела передала в местные органы, чтобы они сами разбирались с ними. Что они теперь должны платить налоги не ей, не через неё, а напрямую.

Т.А.: Нет, у нас тоже так.

А.К.: [Одновременно с предыдущей репликой] Как-то так... Угу.

Т.А.: Но налог – это такая мелочь!

(ПМА 1)

Далее разговор возвращается в формат интервью, моя собеседница снова рассказывает, а я только киваю и задаю короткие вопросы. Что же произошло? Я не просто позволила себе поделиться знанием, релевантным для нашей беседы. На этот короткий момент я стала не только исследователем, берущим интервью, но и таким же членом садоводства (точнее, садоводческим управленцем⁵), как моя собеседница, который озабочен теми же проблемами и точно так же консультируется по ним в Доме садовода. А это значит, что и наш разговор на это небольшое время перестал быть исследовательским интервью и превратился в обмен опытом между садоводческими управленцами. Такие беседы нередко можно услышать в транспорте по пути на дачу или в очередях на консультацию юриста в Доме садовода. Таким образом, перед нами вкрапление в интервью не просто разговора, но речевого жанра, типичного для исследуемого культурного домена. В подобных случаях можно говорить о том, что прямо внутри интервью выделяется небольшая площадка, где разворачивается естественная повседневная коммуникация двух садоводов. В интервью с дачниками можно наблюдать также и обмен садово-огородным опытом, обсуждение соседей и т.д. Конечно, исследователь сможет компетентно участвовать в таких разговорах (а также распознать их при переслушивании записи), только если он достаточно хорошо знаком с жанрами дачной коммуникации, т.е. либо сам принадлежит этой культуре, либо, следуя заветам Бриггса (*Briggs* 1986), хорошо изучил ее коммуникативный репертуар.

В следующем примере такая “площадка” с другими коммуникативными правилами внутри интервью служит для своего рода “технических” задач: мой собеседник использует ее, чтобы проверить мой уровень знаний об обсуждаемом предмете и решить, насколько подробный рассказ ему следует вести далее.

А.К.: А зеленая зона – это вот... что такое?

А.В.: Зеленая зона – это м... как бы... ну... кто-то планировал ведь это, да? Участки.

А.К.: Угу.

А.В.: Это был какой-то, наверное, НИИ, там, да... планировал. Ну, в общем-то, хорошо сделал он. Э-э... Плохо то, что э-э, как сказать? Ну это партия и правительство

выделила мало э-э-э-э-э земли, потому что шесть соток, – конечно, это убого, да? Вот. И места плохие нам выделили. Эти тоже ведь... Это ведь, вот... Вы представляете здесь, где вот в восемьдесят пятом году появились садоводства, да? В Ленинградской области. Представляете?

А.К.: Ну вот у нас у самих с восемьдесят второго садоводство, [смеется] так что...

А.В.: Вот восемьдесят второй – это ещё не то!

А.К.: Ещё не то, да?

А.В.: Это... это... это не те садоводства. А вот была как раз вот эта... эта горбачевская Продовольственная программа, да? (Следует длинный рассказ о раздаче садов в эпоху Продовольственной программы. – *А.К.*)

(ПМА 2)

Наше интервью с А.В. длится уже почти 2 часа, но только сейчас, после моего вопроса о зеленой зоне⁶, он задал прямой вопрос к моим познаниям в истории, тем самым выходя за рамки жанра интервью. Видимо, именно мой вопрос о зеленой зоне наводит его на подозрения, что я не так уж хорошо разбираюсь в истории советского любительского садоводства, как ему сначала показалось. Отвечая, я ссылаюсь не на научный источник, как подобало бы исследователю, а на личный опыт. Но опыт человека, который в 1982 г. еще даже не родился, имеет ничтожный авторитет по сравнению с опытом свидетеля: “Это ещё не то!” – восклицает А.В. и уверенно переходит к рассказу о раздаче садов в горбачевскую эпоху.

“Площадка” в рамках интервью, где мы с А.В. на короткое время поменялись ролями, создала возможность для смены наших позиций в дальнейшем, когда интервью продолжилось. Если до этого А.В. говорил только о своем участке и личном опыте (как обычный информант-садовод), теперь он уверенно занимает позицию эксперта по истории садоводств горбачевской эпохи и впервые за все время разговора начинает говорить в целом о ситуации в садоводствах, созданных после 1985 г. Важно, что в результате этого взаимодействия не только А.В. меняет свою позицию с информанта на эксперта, но и моя позиция становится более гибридной: теперь я не только исследователь, но и представитель менее информированного младшего поколения “детей” по отношению к А.В. Обе смены становятся возможны только в диалоге между нами и с нашего обоюдного согласия, которое мы осуществляем, когда завершаем “технический” эпизод настройки позиций и возвращаемся в формат интервью (хотя я могла бы попытаться оспорить экспертность А.В. или свою “неэкспертность”). В итоге становится понятно, почему А.В. только к концу интервью начал говорить об истории садов в целом, а не начал с этого рассказ.

Этот эпизод также сообщает, как мой собеседник понимает ситуацию нашего общения. Траектории циркуляции интервью в нашем обществе предполагают, что слова, сказанные интервьюеру, могут стать достоянием других аудиторий, и случается, что люди этим пользуются, чтобы донести свою точку зрения: разговаривая с исследователем, обращаются к “городу и миру”. А.В. этого не делает. Он ведет свой рассказ только для меня и не хочет повторять известные мне вещи.

Человеческая коммуникация по природе гибридна. Мы постоянно переключаемся между коммуникативными жанрами. За этими переключениями редко стоит осознанное и спланированное намерение, но они не случайны и не хаотичны, а, как правило, обусловлены или локальными условиями взаимодействия, или культурной логикой участников. В приведенных примерах отслеживание “выпадений” из жанра интервью позволяет не только заглянуть в речевую

повседневность изучаемого культурного домена, но и лучше понимать развитие разговора и действия собеседников. Кроме того, интервью как жанр предлагает достаточно бедный репертуар позиций: интервьюер и собеседник, дилетант и эксперт и некоторые другие. Благодаря жанровым переключениям, можно видеть более широкий, а главное, более культурно специфичный репертуар позиций, доступных собеседникам (“садоводческий управленец”, “представитель молодого поколения” и т.д.). И наконец, жанровые переключения делают границу между интервью и полевой повседневностью менее резкой.

Речевые действия и культурные установки. Диалогическое знание в интервью

Всем полевикам хорошо известно, как установки исследователя и его собственный опыт влияют на ход полевой беседы через формулировки вопросов и в целом речевое поведение этнографа. Можно стараться свести такое влияние к минимуму в поле и скрывать в публикациях, однако К. Дуйер, напротив, призывал искать такие формы представления полученных результатов в статьях и книгах, чтобы неизбежное влияние исследователя было максимально заметно и было видно, что этнографическое знание не извлекается из носителя культуры, а создается в диалоге с этнографом. В своей экспериментальной монографии он публикует полные расшифровки 11 диалогов с марокканским крестьянином и комментирует свои намерения и характерные взгляды белого американца, которые формировали его реплики (Dwyer 1982). Но как такой комментарий помогает ответить на этнографические вопросы? Как работать с этим совместно произведенным знанием, доступным в расшифровках? Дуйер останавливается на эксперименте с репрезентацией и не переходит, собственно, к анализу материалов, оставляя эту работу читателю.

Я полагаю, что ответ на вопрос, как анализировать полевые диалоги и работать с производимым в них знанием, может подсказать теория диалогического романа М.М. Бахтина. Герои диалогического романа не подчинены монологу повествованию автора, но проявляют себя с собственных субъектных позиций в ходе повествования. Автор такого произведения “не убеждает, а организует голоса, сопрягает смысловые установки” (Бахтин 1972: 157). На полевую беседу или ее запись можно посмотреть как на своего рода диалогический роман. Тогда, во-первых, исследователь – это не источник помех и шума в рассказе собеседника, а полноценный участник разговора. Все участники – равноправные носители своих взглядов, установок, которые формулируются, сталкиваются, пересматриваются и меняются в ходе коммуникации. Во-вторых, такой взгляд помогает уточнить понимание знания: оно не просто создается между участниками, но и само по себе событийно, разворачивается в их взаимодействии. Чтобы получить доступ к этому знанию, нужно анализировать речевые действия говорящих, выявлять работающие в этих действиях установки и конкретные локальные и общекультурные обстоятельства, определяющие формулировку и модификацию этих установок.

Приведу еще один пример из своего полевого архива. В интервью с дачниками я, следуя инструкциям из литературы и опыта старших коллег, старалась свести к минимуму свое вмешательство, но это редко удавалось. Ведь это стремление вступало в противоречие с моими страхами начинающего полевика (это было в 2007–2008 гг.): я хотела понравиться собеседнику, сделать разговор

приятным и интересным для него, поскольку мне казалось, что иначе он может отказаться от дальнейшего сотрудничества. Значит ли это, что я взяла плохие интервью, которые невозможно использовать? На мой взгляд, получилось даже наоборот: именно такие интервью оказались особенно хорошо пригодны для диалогического анализа. Моя активность позволила наблюдать, как прямо во время интервью формулируются и взаимодействуют между собой разные установки, сосуществующие в российской культуре по поводу садовых участков.

Так, я начинала свое полевое исследование с исследовательского вопроса о том, как горожане на садовом участке адаптируются к жизни на природе, вдали от городского комфорта. С детства я проводила лето на садовом участке и помню, как меня тяготило отсутствие теплого туалета и водопровода с горячей водой и как радовали признаки городского комфорта (например, кровать и постельное белье вместо нар и старых шуб), которые проникали на дачу по мере того, как строился дом. Я была уверена, что мои собеседники не могли не задумываться об этом и должны были располагать набором суждений и историй о своих адаптивных тактиках и технологиях. Но когда я задала вопрос об этом А.В., он только отмахнулся:

А.К.: Вот вы сказали: “Как обустроить дачный быт”, да? А вот... э-э какие особенности вот у дачного быта? Вот что приходится устраивать... здесь? Приходилось.

А.В.: Ну в каком смысле?

А.К.: Может, что было труднее всего для вас как для городского человека?

А.В.: ...Да, [далее резко понизив голос и пренебрежительно] что тут...

А.К.: Как приспособливаться приходилось?

А.В.: [Коротко вздыхает] Ну... сейчас вроде как вот ты приезжаешь, и тут особенно приспособлений каких-то – ну как-то все уже есть, да? А первое время... э-э основная-то сложность была в том, что тут же ничего не было.

(ПМА 2)

Предложенные мной категории “трудность” и “городской человек”, и весь сюжет адаптации оказались чужды тому, как А.В. осмыслял свой дачный опыт. Сложно было только в первые годы, пока не было скважины с питьевой водой и продуктовых магазинов, все приходилось возить из города. Мой собеседник целых 11 минут красочно описывает, как и в чем возил воду из города, как бежал наперегонки с другими садоводами от электрички, чтобы успеть набрать воды из станционного колодца, как делил с соседями скважину, как договаривался с начальством, чтобы успеть вечером после работы уехать на дачу и отвезти продукты жене с дочкой. Но все это были “временные сложности”, а сейчас есть скважина рядом с участком и магазины в садоводстве, так что приспособливаться больше не нужно. Я не могу в это поверить и предельно сужаю вопрос, подсказывая А.В., какие именно направления адаптации меня интересуют:

А.К.: Ну а вот это, что горячей воды как-то нет...

А.В.: Знаете, ну [далее резко понизив голос] вот... вот... э-э-э-э... [пауза 3 сек.] мы не очень избалованы [коротко смеется]. У меня и дома горячей воды нет [смешок].

А.К.: Да? В квартире?

А.В.: [Смешок] Да. Мы, конечно, по... уже несколько лет, как поставили водогрей свой (у нас ванна, да?). Ну, электрический водогрей. А так в доме у нас нет... Я ещё... м... У меня... У нас в доме паровое отопление появилось, э когда мне было, ну, наверное, лет двадцать. Мы печкой топили. Поэтому вот этих проблем у меня нету: печку стопить, да, это самое... Ну вот, опять же, те... э когда жарко – душ вот этот, там хорошо в бочках прогревается вода,

А.К.: Ага.

А.В.: Да? Поэтому вот так, когда э-э-э... ну, когда... потеешь, когда жарко. Когда жарко – вода теплая.

А.К.: [Смешок] Ага.

А.В.: Поэтому как-то...
(ПМА 2)

Отвечая на мой вопрос, А.В. предпринимает довольно сложное речевое действие (подготовку к нему оформляют фальстарт, хезитация и долгая пауза, которые косвенно указывают на затруднения с формулировкой). Одной фразой “Мы не очень избалованы” он вводит две противоположные точки зрения и четко локализует себя в этом противопоставлении. Одна позиция – “неизбалованные”, неприхотливые, – нормализует бытовой дискомфорт, относит его к разряду привычного, повседневной рутины. С этой точки зрения, горячая вода – баловство, а не необходимость. Эту точку зрения и занимает сам А.В. Вторая (неназванная) позиция – “избалованные”, для которых отсутствие горячей воды – это трудность. Именно с этой точки зрения ретроспективно, в новой системе координат, которую только что создал А.В., и оказывается задан мой вопрос к нему. Свою перспективу мой собеседник конструирует как коллективную, когда использует местоимение множественного числа “мы”. “Мы” включает А.В. и его семью, в том числе его родителей, которые растили его в квартире без центрального отопления и горячей воды.

Далее, впрочем, А.В. вспоминает, как в ранние годы участка, когда в городской квартире тоже еще не было ванны, приходилось возить детей в город в баню. И после небольшой паузы делает уступку и отчасти принимает предложенный мной словарь и реконструируемую за ним перспективу, но только чтобы после очередной длительной паузы делегировать ее супруге:

А.В.: Ну это – да. Это... ну, некоторые сложности, но это надо лучше бы было вам тогда... [пауза 3 сек.] интервью взять у моей жены [смеется],

[А.К. смеется.]

А.В.: потому что мужчинам легче, [смеется] проще [смешок] с этим делом. А так – нет.
(ПМА 2)

Извлеченные из памяти детали заставили А.В. пересмотреть заданную им сначала оппозицию. Теперь неприхотливость связана не с наличием особого опыта, а с гендерными различиями: в этой перспективе мужчинам в принципе проще жить без возможности помыться, чем женщинам. Позиция А.В. теперь стала его личной, а не коллективной.

Что побудило А.В. к такому сложному конструированию позиций? Почему он выбрал ответ в форме “внутреннего диалога”, где позиция “оппонентов” не озвучивается открыто, но подразумевается? Наиболее вероятно, что это была моя формулировка вопроса: “Ну а вот это, что горячей воды как-то нет...”, в которой, помимо собственно вопроса, можно увидеть и другие речевые действия. В частности, модификатор “как-то” намекает на мое скрытое отношение к тому, что А.В. упорно пренебрегает такой важной для меня деталью, как отсутствие горячей воды на даче. Судя по реакции А.В., этот модификатор (вероятно, вкуче с моей гендерной принадлежностью) побудил его делегировать мне позицию “неженок”. А сама форма его ответа с “двойным дном”, возможно, определилась формой моего вопроса, где “как-то” тоже маркирует наличие двойственности. Маркеры “двойного дна” в реплике А.В. – смешки, которыми пересыпано

начало его высказывания. В речи смех вне шуточного контекста часто является знаком иронии и других подобных двойственных речевых приемов (*Sidnell* 2010; *Clift* 1999; *Kotthoff* 1998).

В этом обмене репликами я невольно выступила не как исследователь, а как носитель определенной установки внутри российской дачной культуры, а именно как противник бытового дискомфорта на садовых участках. В садоводческих товариществах (в отличие от дачных поселков) обычно отсутствуют такие городские удобства, как горячая вода и канализация. Низкий уровень комфорта в садовом домике часто становится поводом для конфликтов в семьях владельцев участков: не все согласны проводить выходные и отпуск без горячего душа и с туалетом на улице. При этом история российского городского быта складывалась так, что среди горожан старших поколений многие привыкли к таким условиям и готовы их терпеть ради достоинств жизни на участке (о таком своем опыте и говорит А.В.). В разговоре я не смогла выдержать нейтральную позицию исследователя, но зато благодаря этому в нашем речевом взаимодействии с А.В. можно наблюдать разворачивание типичного для российской дачной культуры конфликта. Можно видеть, какие возможны позиции по отношению к бытовым условиям на участке, как они активируются, как взаимодействуют, в какие культурные логики встраиваются (например, логика гендерного маркирования).

Приведенный пример важен и для теоретического понимания статуса транслируемой культурной установки или позиции. Он показывает, что позиция является продуктом взаимодействия собеседников, ведь ее невозможно просто выбрать и придерживаться. Необходимо, чтобы собеседник поддержал этот выбор. Кроме того, видно, что позиции не стабильны и модифицируются по ходу разговора.

Для такого детального анализа речевого взаимодействия необходима аудио- (а лучше видео-) запись и тщательная расшифровка интервью. Наличие записи создает для полевика интересную конфигурацию отношений с полем – “двойную позицию” наблюдения. Сначала исследователь наблюдает свое взаимодействие с собеседником внутри разговора и на основании этого наблюдения предпринимает те или иные коммуникативные ходы (поистине “участвующее” (*participant*) наблюдение, ибо интервьюер своими действиями формирует наблюдаемую им действительность). Затем, переслушивая или пересматривая запись или перечитывая расшифровку, он снова наблюдает, но на сей раз со стороны и не участвуя. Двойная позиция исследователя в интервью отмечалась и ранее и рассматривалась как его преимущество: в отличие от собеседника, он может вернуться к сказанным словам, обдумать их и даже отредактировать (*Crapanzano* 1980). Я считаю важным также учитывать, что в обеих точках исследователь занят аналитической работой, но разного свойства. Внутри разговора он анализирует происходящее как участник коммуникации (как и его собеседник) и, исходя из результатов своего спонтанного и мгновенного анализа, выбирает, как дальше действовать. Возвращаясь к записи интервью, он как профессиональный исследователь анализирует свои собственные речевые действия наряду с действиями собеседника и может выявить и объяснить принятые им тогда спонтанные решения и описать их последствия. Эти две позиции дают принципиально различные видения беседы и приносят разные результаты: внутренний взгляд помогает вести разговор, внешний взгляд помогает понять то, что было непонятно изнутри разговора. То, что изнутри разговора казалось коммуникативной ошибкой или конфликтом, при внешнем анализе может оказаться

триггером исключительно информативной беседы. Именно так произошло в приведенном выше примере, когда я, сама того не ведая, задала А.В. ироничный, провокативный вопрос с двойным дном. Только последующий внешний анализ помог разобраться, что же произошло между мной и моим собеседником, и помог увидеть нюансы семейных конфликтов, которые разворачиваются вокруг садовых участков.

* * *

Я предлагаю определять этнографическое интервью как жанр исследовательской беседы, который приближается к крайнему полюсу на шкале институциональности и обладает отчетливыми формальными особенностями, отличающими его от других речевых жанров. Если рассматривать коммуникацию как диалогическую последовательность культурно обусловленных речевых действий, а также обращать внимание на переключения на другие речевые жанры, то даже такой “искусственный” жанр, как интервью, можно вернуть в контекст полевой действительности, подлежащей включенному наблюдению. При наличии аудиозаписи, идеи лингвистической философии и литературоведения, инструменты, разработанные в разных областях исследований устной речи (прагматике дискурса, конверсационном анализе), помогают наблюдать и анализировать речевые действия в интервью или любом другом жанре речевого взаимодействия.

Включение речевого взаимодействия в этнографическое наблюдение помогает превратить знание, произведенное в диалоге, в ответы на этнографические вопросы. Кроме того, оно подталкивает к расширению круга вопросов, которые задает этнограф к своему полевому материалу. Можно, например, отслеживать, какие позиции существуют внутри изучаемой культурной области по интересующим этнографа проблемам, как они активизируются в разговоре, каким содержанием наполняются, как работают во взаимодействии.

Особенность примеров из моего исследования в том, что я принадлежу той же культуре, что и мои собеседники, и потому могу выступать компетентным участником, наблюдателем и аналитиком коммуникации. Возможен ли такой анализ при большей культурной дистанции между исследователем и полем? Ответ на этот вопрос требует дальнейших исследований и других полей.

Благодарности

Я благодарю за помощь в работе над статьей Р.Н. Абрамова, А.К. Байбурина, Е.Ю. Гуляеву, П.С. Куприянова, И.С. Кызласову, Т.А. Листову, А.Ф. Некрылову, М.В. Станюкович, О.М. Фишман, Л.А. Чвырь, А.А. Янковскую, а также участников Антропологического кружка Н.В. Ссорина-Чайкова: С.Н. Абашина, Е. Аброськину, Е. Адашеву, С. Алымова, Д. Арзютова, З. Васильеву, Е. Давыдову, С. Петрашина, Л. Рахманову, А. Соколову, К. Черкаеву.

Примечания

¹ Такое восприятие настолько растворено в повседневной практике, что сложно даже найти подходящие цитаты для ссылки. Например, об этом единстве метода говорят участники дискуссии в “Советской этнографии” (Решетов 1985: 58;

Шмелева 1986: 60). В англоязычной антропологии наблюдается схожий расклад: здесь единичные голоса, которые призывают рассматривать полевой разговор как самостоятельный метод, просто остаются без внимания исследовательского сообщества (Briggs 2007; Hockey, Forsey 2012).

² Например, когда в 2019 г. автор настоящей статьи представил в диссертационный совет по этнографии диссертацию о методе интервью в этнографии, проблема соответствия специальности “07.00.07. Этнография, этнология, антропология” оказалась настолько острой, что решение по этому вопросу (положительное) принимал экспертный совет ВАК по истории.

³ Организация для поддержки садоводческих товариществ петербуржцев при Правительстве Санкт-Петербурга.

⁴ Речь идет о том, что члены садоводческого товарищества приватизируют свои участки и не платят налог на землю. Иногда налоговые органы предъявляют претензии не налогоплательщикам лично, а председателю их садоводства (например, если у них нет точных данных новых землевладельцев). Героиня моего рассказа решила эту проблему, передав налоговикам актуальные адреса налогоплательщиков.

⁵ Это важное уточнение, поскольку, конечно, обсуждаемый круг вопросов актуален не для любого садовода-любителя, а только для членов правления товарищества. Моя мама на тот момент тоже была председателем садоводства, что позволяло мне занимать в беседе позицию, близкую Т.А.

⁶ Зона между участками, которая входит в категорию земель общего пользования и должна служить для коллективного отдыха и для защиты от пожаров.

Источники и материалы

Козьмин 2008 – Козьмин В.А. Полевая этнография // Неопубликованное методическое пособие к курсу “Методика этнографических исследований”. Кафедра этнологии и антропологии СПбГУ, 2008.

ПМА 1 – Полевые материалы автора. Санкт-Петербург. 2007 г. (Собеседница: ж., Т.А., 1944 г.р.)

ПМА 2 – Полевые материалы автора. Ленинградская область. 2008 г. (Собеседник: м., А.В., 1950 г.р.)

Научная литература

Баранов Д.А. “Крестьянская” программа В.Н. Тенишева: текст и контекст // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 176–187.

Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972.

Васкул А.И. Этнографическая программа Русского географического общества // Русский фольклор: материалы и исследования. 2012. Т. 36. С. 460–471.

Громов Г.Г. Методика этнографических экспедиций. М.: Издательство Московского университета, 1966.

Корбут А. Говорите по очереди: нетехническое введение в конверсационный анализ // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 120–141.

Решетов А.М. Обсуждение статей М.Н. Шмелевой и С.И. Вайнштейна по проблемам полевых исследований // Советская этнография. 1985. № 6. С. 56–60.

Бромлей Ю.Б., Штробах Г. (ред.) Свод этнографических понятий и терминов. М., 1988.

- Станюкович М.В.* Глубокое, насыщенное, повторное... как и сколько раз брать интервью у сказителей и других ритуальных специалистов? // Антропологический поворот в фольклористике. Материалы XX Международной школы по фольклористике и культурной антропологии. М.: РГГУ, 2020. С. 83–85.
- Чинчаладзе Н.Г.* Наблюдения и интервью как методы полевого этнографического исследования: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. и. н. / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленингр. отд-ние. Л., 1988.
- Шмелева М.Н.* Некоторые вопросы полевого этнографического исследования современности (ответ участникам дискуссии) // Советская этнография. 1986. № 1. С. 57–61.
- Bernard H.R.* Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches. Lanham, MD: Altamira, 2006.
- Briggs C.L.* Learning How to Ask. A Sociolinguistic Appraisal of the Role of the Interview in Social Science Research. New York: Cambridge University Press, 1986.
- Briggs C.L.* Anthropology, Interviewing, and Communicability in Contemporary Society // Current Anthropology. 2007. 48 (4). P. 551–580.
- Burgess R.G.* In the Field: An Introduction to Field Research. London; New York: Routledge, 2000.
- Clift R.* Irony in Conversation // Language in Society. 1999. Vol. 28. № 4. P. 523–553.
- Crapanzano V.* Tuhami, Portrait of a Moroccan. Chicago: Chicago University Press, 1980.
- Duranti A.* Linguistic Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Drew P., Heritage J.* (eds.) Talk at Work. Interaction in Institutional Settings. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
- Dwyer K.* Moroccan Dialogues: Anthropology in Question. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1982.
- Hockey J.* Interviews as Ethnography? Disembodied Social Interaction in Britain // British Subjects: An Anthropology of Britain / Ed. N.Rapport. Oxford: Berg, 2002. P. 209–222.
- Hockey J., Forsey M.* Ethnography is Not Participant Observation: Reflections on the Interview as Participatory Qualitative Research // The Interview. An Ethnographic Approach / Ed. J. Skinner. London; New York: Berg, 2012. P. 69–87.
- Holy L., Stuchlik M.* Actions, Norms and Representations: Foundations of Anthropological Inquiry. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Kotthoff H.* Irony, Quotation and Other Forms of Staged Intertextuality: Double or Contrastive Perspectivation in Conversation. Konstanz, 1998.
- Sidnell J.* Conversation Analysis: An Introduction. Oxford: Wiley Blackwell, 2010.
- Skinner J.* A Four-part Introduction to the Interview: Introducing the Interview; Society, Sociology and the Interview; Anthropology and the Interview; Anthropology and the Interview // The Interview. An Ethnographic Approach / Ed. J. Skinner. London; New York: Berg, 2012. P. 1–49.
- Smith K., Staples J., Rapport N.* (eds.) Extraordinary Encounters. Authenticity and the Interview. Oxford: Berghahn Books, 2018.
- Spradley J.* The Ethnographic Interview. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1979.

Research Article

Kasatkina, A.K. How Ethnographic Is Ethnographic Interview? [Etnografichno li etnograficheskoe interv'iu?] *Etnograficheskoe obozrenie*, 2022, no. 3, pp. 71–87. <https://doi.org/10.31857/S0869541522030058> EDN: HUEUZU ISSN 0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Aleksandra Kasatkina | <https://orcid.org/0000-0002-8827-9696> | alexkasatkina@gmail.com | National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (16 Soyuza Pechatnikov St., St. Petersburg, 190121, Russian Federation)

Keywords

interview, participant observation, fieldwork methods, history of ethnography, linguistic anthropology, dialogic theory, Bakhtin

Abstract

Fieldwork conversation is part and parcel of the participant observation method to such an extent that analyzing its specifics is rarely deemed necessary in anthropological or ethnographic practice. Fieldwork conversation is often interchangeably called “interview”, yet I would argue that the latter term may be rather thought of as referring to sociological methods of inquiry. The interview genre not infrequently makes the interlocutor adopt the position of an outsider vis-à-vis his or her own culture, which goes counter to the very point of participant observation. This may make anthropologists feel uneasy about the question of how ethnographic the ethnographic interview really is. I argue that fieldwork conversation – and fieldwork interview as a formally institutionalized genre of the latter – may require special analytic tools designed specifically for the context of oral communication. Viewing ethnographic interview as a speech situation and employing concepts of Bakhtin’s dialogic theory, I attempt to show how the use of methods targeted at the analysis of speech helps us receive better answers to the ethnographic questions that we pose. As a case in point, I draw on the experience of my own fieldwork conversations or interviews with garden owners in the Leningrad region.

References

- Bakhtin, M.M. 1972. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevskii’s Poetics]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura.
- Baranov, D.A. 2006. Krest’ianskaia programma V.N. Tenisheva: tekst i kontekst [The Peasant Program by V.N. Tenishev: Text and Context]. *Antropologicheskii forum* 4: 176–187.
- Bernard, H.R. 2006. *Research Methods in Anthropology: Qualitative and Quantitative Approaches*. Lanham, MD: Altamira.
- Briggs, C. 2007. Anthropology, Interviewing, and Communicability in Contemporary Society. *Current Anthropology* 48 (4): 551–580.
- Briggs, C. 1986. *Learning How to Ask. A Sociolinguistic Appraisal of the Role of the Interview in Social Science Research*. New York: Cambridge University Press.
- Bromlei, Yu.B., and G. Shtrobakh, eds. 1988. *Svod etnograficheskikh poniatii i terminov* [A Roster of Ethnographic Terms and Concepts]. Moscow.
- Burgess, R.G. 2000 [1984]. *In the Field: an Introduction to Field Research*. London; New York: Routledge.
- Chinchaladze, N.G. 1988. Nabludeniia i interv’iu kak metody polevogo etnograficheskogo issledovaniia [Observations and Interview as Methods of Field Ethnographic Research]. PhD diss., N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnography, Leningrad branch.
- Clift, R. 1999. Irony in Conversation. *Language in Society* 28 (4): 523–553.
- Crapanzano, V. 1980. *Tuhami, Portrait of a Moroccan*. Chicago: Chicago University Press.

- Drew, P., and J. Heritage, eds. 1992. *Talk at Work. Interaction in Institutional Settings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Duranti, A. 1997. *Linguistic Anthropology*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dwyer, K. 1982. *Moroccan Dialogues: Anthropology in Question*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
- Gromov, G.G. 1966. *Metodika etnograficheskikh ekspeditsii* [Methods for Ethnographic Expeditions]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Hockey, J. 2002. Interviews as Ethnography? Disembodied Social Interaction in Britain. In *British Subjects: An Anthropology of Britain*, edited by N. Rapport, 209–222. Oxford: Berg.
- Hockey, J., and M. Forsey. 2012. Ethnography is Not Participant Observation: Reflections on the Interview as Participatory Qualitative Research. In *The Interview. An Ethnographic Approach*, edited by J. Skinner, 69–87. London; New York: Berg.
- Holy, L., and M. Stuchlik. 1979. *Actions, Norms and Representations: Foundations of Anthropological Inquiry*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Korbut, A. 2015. Govorite po ocheredi: netekhnicheskoe vvedenie v konversatsionnyi analiz [Talk in Turn: Non-Technical Introduction to Conversation Analysis]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* 14 (1): 120–141.
- Kotthoff, H. 1998. *Irony, Quotation and Other Forms of Staged Intertextuality: Double or Contrastive Perspectivation in Conversation*. Konstanz.
- Reshetov, A.M. 1985. Obsuzhdenie statei M.N. Shmelevoi i S.I. Vainshteina po problemam polevykh issledovaniy [Discussion of M.N. Shmeleva's and S.I. Vainshtein's Papers on the Problems of Field Research]. *Sovetskaiia etnografiia* 6: 56–60.
- Shmeleva, M.N. 1986. Nekotorye voprosy polevogo etnograficheskogo issledovaniia sovremennosti (otvet uchastnikam diskussii) [Some Issues in Field Ethnographic Research of the Contemporary (a Reply to the Discussants)]. *Sovetskaiia etnografiia* 1: 57–61.
- Sidnell, J. 2010. *Conversation Analysis: An Introduction*. Oxford: Wiley Blackwell.
- Skinner, J. 2012. A Four-part Introduction to the Interview: Introducing the Interview; Society, Sociology and the Interview; Anthropology and the Interview; Anthropology and the Interview. In *The Interview. An Ethnographic Approach* edited by J. Skinner: 1–49. London; New York: Berg.
- Smith, K., J. Staples, and N. Rapport, eds. 2018. *Extraordinary Encounters. Authenticity and the Interview*. Oxford: Berghahn Books.
- Spradley, J. 1979. *The Ethnographic Interview*. New York: Holt, Rinehart and Winston.
- Staniukovich, M.V. 2020. Glubokoe, nasyshchennoe, povtornoie... kak i skol'ko raz brat interv'iu u skazitelei i drugikh ritualnykh spetsialistov? [Deep, Thick, Repeated... How and How Many Times Should One Conduct Interviews with Storytellers and Other Ritual Specialists?] In *Antropologicheskii povорот v fol'kloristike. Materialy XX Mezhdunarodnoi shkoly po fol'kloristike i kul'turnoi antropologii*: 83–85. Moscow: Izdatel'stvo RGGU.
- Vaskul, A.I. 2012. Etnograficheskaiia programma Russkogo geograficheskogo obshchestva [Ethnographic Program of the Russian Geographic Society]. *Russkii fol'klor: materialy i issledovaniia* 36: 460–471.